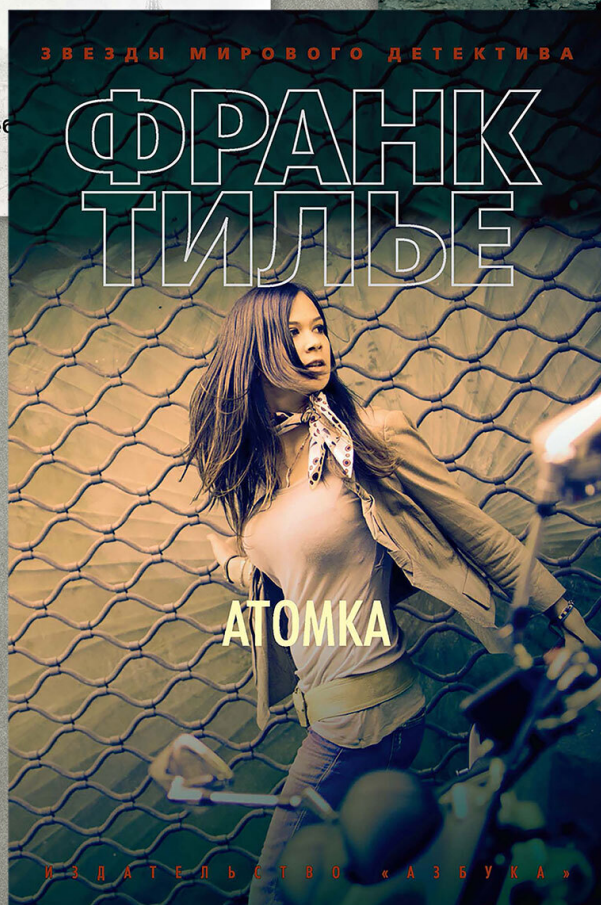
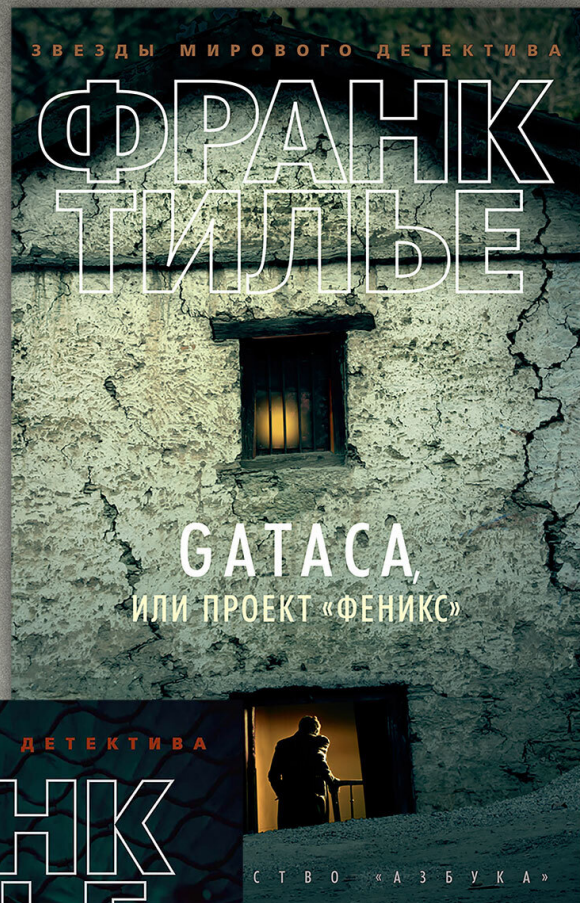

ФРАНК ТИЛЬЕ

КОМИССАР ШАРКО
и ЛЮСИ ЭНЕБЕЛЬ

2

Франк Тилье

**Комиссар Шарко и Люси
Энебель. Комплект 2**

«Азбука»

2010, 2011, 2012

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Комиссар Шарко и Люси Энебель. Комплект 2 / Ф. Тилье —
«Азбука», 2010, 2011, 2012

ISBN 978-5-389-35150-9

В данном комплекте собраны пятая, шестая и седьмая книги из цикла Франка Тилье о комиссаре Франке Шарко и Люси Энебель. 1. Синдром Е Коллекционер старых кинофильмов приобретает раритетную киноплёнку и во время просмотра внезапно слепнет. Он звонит своей бывшей подруге, лейтенанту полиции Люси Энебель, с просьбой о помощи, и Люси с головой погружается в расследование странного происшествия. Что спрятано за этими черно-белыми кадрами? И почему за лентой охотятся неизвестные? Поиски заходят в тупик, и Люси в свою очередь обращается за помощью — к комиссару Шарко, опытному аналитику. По мере расследования история создания киноплёнки обрывает невероятными подробностями. Похоже, одна и та же тайна скрыта в трущобах Каира и сиротском приюте в Монреале... Книга также выходила под названием «Монреальский синдром». 2. Gataca, или Проект «Феникс» В клетке с приматом найден растерзанный труп девушки, изучавшей эволюцию видов. Одиннадцать человек арестованы за чудовищные преступления. Человек, жестоко расправившийся с невинными детьми, покончил с собой. Что стоит за беспричинными вспышками насилия? Когда в следующий раз сработает бомба замедленного действия? За расследование берутся Люси Энебель и Франк Шарко. Героям предстоит отправиться в джунгли Амазонии, где притаилось древнее зло, ждущее своего часа, чтобы, подобно бессмертной огненной птице, восстать из пепла. 3. Атомка Тело парижского журналиста найдено в холодильнике на кухне его дома. Работавшая вместе с ним журналистка исчезла, зато найден совершенно истощенный мальчик с запиской от нее и со странной татуировкой. Возникают старые дела, связанные с утопленниками. Все эти странные случаи объединяет одно: попытка неких ученых с помощью предельно низких температур бросить вызов смерти. Комиссар Шарко и Люси Энебель включаются в расследование этого сложного дела, то и дело перемещаясь из Парижа

в Гренобль, из психиатрической клиники в затерянный монастырь или в секретный научный центр, расположенный в Лос-Аламосе. В конце концов они понимают, что все следы ведут... в мертвый украинский город рядом с застывшим атомным реактором.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-35150-9

© Тилье Ф., 2010, 2011, 2012

© Азбука, 2010, 2011, 2012

Содержание

Синдром Е	7
1	7
2	10
3	12
4	16
5	19
6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Франк Тилье

Комиссар Шарко и Люси

Энебель. Комплект 2

Franck Thilliez
LE SYNDROME E
GATACA
АТОМКА

Copyright © 2010, Fleuve Éditions, Département d'Univers Poche
© 2011, Fleuve Noir, Département d'Univers Poche
Published originally under the title "АТОМКА"
Copyright © 2012, Fleuve Noir, Département d'Univers Poche

© Н. Василькова, перевод на русский язык, 2012
© Н. Василькова, перевод, 2014
© М. Сашина, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012, 2014, 2017
Издательство АЗБУКА®

Синдром Е

Моим близким

1

Быть там первым.

Он отправился в дорогу, едва увидев на рассвете объявление, и одолел двести километров, отделявших лилльский пригород от Льежа, за рекордное время.

Продается коллекция старых (30-е годы и позже), немых и звуковых, фильмов на шестнадцати- и тридцатипятимиллиметровой пленке. Представлены все жанры, есть короткометражные и полнометражные ленты. Свыше 800 бобин, из которых 500 – шпионские фильмы. Цена по договоренности...

Объявления подобного рода на обычном, неспециализированном сайте – все-таки большая редкость. Обычно владельцы киноколлекций торгуют ими на ярмарках типа аржантейской или продают оптом на одном из интернет-аукционов, а тут... а тут ее, похоже, сбывают с рук, будто старый холодильник. Хороший знак – такое объявление!

Добравшись до самого центра бельгийского города, Людовик с трудом припарковался, сверил номер дома, перед которым поставил машину, с указанным в объявлении, и пошел знакомиться с владельцем, Люком Шпильманом. Ага. На вид лет двадцать пять, «конверсы», очки для серфинга, булловская футболка, ну да, конечно, и пирсинг. Немного, кое-где, но есть.

– Значит, вы приехали за фильмами. Пойдемте, они на чердаке.

– Я первый?

– Другие не задержатся, с утра уже было несколько звонков. Вот не думал, что все пойдет так быстро.

Людовик шел следом за молодым человеком. Типично фламандское жилье – теплые цвета, темный кирпич, все комнаты расположены вокруг лестничной клетки, в кровле над ней – широкое окно...

– А почему вы решили избавиться от этих старых фильмов?

Людовик тщательно подбирал слова: «избавиться», «старые»... По существу, он уже начал торговаться.

– Вчера умер мой отец. Он никогда и никому не говорил, что делать дальше с этими бобинами.

Хм... Еще не похоронили, а уже отбирают у усопшего патриарха его добро, думал Людовик. Хотя... хотя какой смысл этому дурачку-сыну хранить двадцать пять килограммов пленки, когда можно собрать в тысячу раз больше изображений, которые будут весить в тысячу раз меньше. Несчастное потерянное поколение...

Лестница у них до того крутая, того и гляди шею свернешь. Оказавшись на чердаке, Шпильман включил свет – жалкую маломощную лампочку. Людовик улыбнулся, его сердце коллекционера забилось быстрее. Вот они, вот они все – прекрасно защищенные от естественного света... Разноцветные коробки, уложенные на стеллажах в стопки по двадцать штук. Здесь немножко сквозит – и ах как сладко пахнет пленкой... До верхних полок можно добраться с помощью стремянки на колесиках. Людовик подошел поближе. С одной стороны фильмы на тридцатипятимиллиметровой пленке, тяжелые, объемистые коробки, с другой – шестнадцатимиллиметровые, к ним у него особый интерес. На каждой крышке – этикетка, все так аккуратно

сложено... Отличное хранилище! Вот классика немого кино, вот французские ленты золотого века кинематографа, и действительно – больше всего шпионских: судя по объявлению, они составляют больше половины коллекции Шпильмана. Людовик взял в руки одну из коробок. «Самый опасный человек в мире» – фильм Джона Ли Томпсона о ЦРУ и коммунистическом Китае. Полная нетронутая копия, защищенная при хранении от света и влаги, как вина лучших лет. Тут в коробках есть даже лакмусовые бумажки, чтобы не пропустить, если пленка вдруг начнет окисляться. Людовик с трудом сдерживал волнение. Одному только этому сокровищу, на его взгляд, цена на рынке не меньше пятисот евро.

– Ваш отец был помешан на шпионских фильмах?

– Не то слово – помешан! Вы еще не видели его библиотеку! Книги – сплошь по теории заговора и тэ дэ и тэ пэ. Сильно смахивает на навязчивую идею, да?

– А сколько вы хотите за бобину?

– Я порылся в Интернете. По-хорошему надо брать за каждую по сотне евро. Но я-то хочу сбыть все это поскорее – мне нужно место, стало быть, можем поторгаться.

– Очень надеюсь.

Людовик продолжал шарить по полкам.

– Наверное, у вашего отца был и проектор, и кинозал?

– Конечно. Скоро я все там переоборудую. Выкину старье, прикуплю самое современное: жидкокристаллический экран, домашний кинотеатр последней модели... А здесь, на чердаке, устрою музыкальную студию.

Людовику тошно было слушать – что за парень, ни малейшего уважения к прошлому! Он переместился правее, подвигал стопки, наслаждался благоуханием пленки... Тут были Гарольд Ллойд, Бастер Китон, чуть подальше – такие фильмы, как «Гамлет» и «Капитан Фракасс». Ему хотелось бы купить все, но зарплата в Фонде социального страхования и необходимость ежемесячно платить за сайт знакомств и Интернет вообще, за кабельное и спутниковое телевидение не позволяли такой роскоши. Ну и значит, надо будет выбирать.

Он подошел к стремянке, и Люк Шпильман тут же предупредил:

– Будьте осторожны! Именно с нее мой отец упал и раскроил себе голову. Вообще-то, заниматься подобной акробатикой в восемьдесят два года – это...

Людовик поколебался, но тем не менее полез наверх, думая о старике, обожавшем свои фильмы до такой степени, что умер из-за них. Поднявшись настолько высоко, насколько смог, Людовик продолжил отбор. Позади «Письма из Кремля», в невидимом поначалу ряду, он обнаружил черную коробку без этикетки. Пытаясь сохранить равновесие, достал ее, открыл. Внутри оказался короткометражный (судя по диаметру бобины) фильм – десять, максимум двадцать минут проекции. Возможно, это фильм потерянный, забытый, уникальный, а новому владельцу так и не удалось его опознать. Людовик спустился, держа в руках коробочку, положил ее на стопку из девяти уже отобранных культовых фильмов. Именно такие анонимные картины делают просмотр особенно занимательным.

Он повернулся к наследнику коллекции, изо всех сил стараясь казаться спокойным, хотя сердце забилось сильнее:

– К сожалению, большая часть ваших фильмов ничего особенного собой не представляет. Все как везде, стандартный набор. А кроме того... вы чувствуете, чем пахнет?

– А чем пахнет?

– Уксусный такой запах – ощущаете? Пленка уже затронута кислотой, короче, ей грозит гибель. Причем скоро.

Молодой человек шагнул вперед и втянул носом воздух.

– Вы уверены?

– Более чем уверен. И готов избавить вас хотя бы от этих десяти коробок. Тридцать пять евро за штуку, идет?

- Полсотни.
- Сорок.
- Ладно, согласен...

Людовик подписал чек на четыреста евро, протянул Шпильману. Отъезжая, он увидел машину с французскими номерами, водитель которой искал место для парковки.

Тоже, наверное, покупатель. Слетаются вброды.

Людовик вышел из своей личной проекционной и, не забыв захватить из холодильника бутылку пива, выбрал одно из обитых искусственной кожей двенадцати кресел в стиле пятидесятых. Он купил эти кресла, когда закрыли маленький кинотеатр «Рекс», который находился в двух шагах от его дома, оборудовал на вид такой же, как там, кинозал в подвале дома и окрестил этот кинозал «мое карманное кино». Откидные сиденья, невысокие подмостки, экран из специальной ткани со стеклянными микросферами, проектор Tri-Film Heurtier, рассчитанный на узкую пленку, – здесь было все. Да, в сорок два года у него было все, чего хотелось, кроме подруги, которую он обнимал бы во время просмотра «Унесенных ветром». Подруги не было, и пока что поиски ее на этих чертовых сайтах знакомств приводили только к неудачам или в лучшем случае к мимолетным интрижкам.

Было почти три часа ночи. Перекормленный шпионскими и военными кадрами, он завершил свой нескончаемый сеанс неведомо каким чудом сохранившейся безвестной короткометражкой. На вид это явно была копия, но такие вот безымянные фильмы иногда оказывались истинными сокровищами, а если повезет, то и утерянными шедеврами знаменитых кинематографистов: Мельеса, Уэллса, Чаплина. Людовик – как истинный коллекционер – очень любил пометать. Когда он высвободил ракорд бобины, чтобы засунуть его в проектор, оказалось, что на ленте написано: «50 кадров в секунду». Такое редко увидишь, обычная-то скорость – 24 кадра в секунду, этого вполне достаточно, чтобы создать на экране иллюзию движения. Он пожал плечами и переключил скорость воспроизведения проектора, чтобы увидеть все так, как было задумано автором. Не хватало еще смотреть фильм замедленно...

Очень скоро белизна экрана уступила место темному мутному изображению. Никакого названия, никаких титров. Только внезапно появившийся в правом верхнем углу экрана на том же мутно-темном фоне белый кружок. Людовик сначала даже подумал, что это дефект пленки, так нередко бывало со старыми бобинами.

И тут начался фильм.

Пытаясь подняться из подвала на первый этаж, Людовик свалился мешком.

Он больше ничего не видел, даже с включенным светом.

Он ослеп.

2

Резкий телефонный звонок – и сон Люси Энебель как рукой сняло. Она встрепенулась в кресле, схватила мобильник:

– Алло...

«Алло» прозвучало тускло. Люси глянула на часы – всего-то полпятого утра, даже четыре двадцать восемь. Посмотрела на Жюльетту с воткнутой в правую руку иглой – дочери круглосуточно капали раствор глюкозы: вроде бы девочка сладко спит.

А голос с той стороны дрожал:

– Алло-алло, кто это?

Люси откинула назад длинные светлые волосы, она еле сдерживалась: только-только удалось заснуть, ей-богу, странное время для розыгрышей.

– Вообще-то, представиться следовало скорее вам! Вы знаете, который час?

– Людовик... это Людовик Сенешаль... А это... это Люси?

Она тихонько вышла из комнаты в больничный коридор, освещенный лампами дневного света, зевнула, одернула пижамную рубашку – надо же выглядеть поприличнее. Вдали слышался плач новорожденных, казалось, плач этот стелется вдоль стен. Тишина в педиатрическом отделении – не более чем химера.

На то, чтобы разобраться, кто это звонит посреди ночи, понадобилось несколько секунд. Людовик Сенешаль?... А-а, они пересеклись на сайте знакомств, после нескольких недель беспрерывных разговоров в чате встретились в одном из лилльских кафе и в конце концов расстались из-за того, что «не сошлись характерами». Их хватило тогда всего на семь месяцев.

– Людовик? Ты? Что случилось?

Люси услышала звон стекла – как будто стакан, упав на пол, разбился.

– Необходимо, чтобы кто-то ко мне приехал. Надо, чтобы...

Он задышался, еле выговаривал слова, – похоже, его охватила паника. Люси постаралась успокоить собеседника, предложила говорить тише: может, так будет легче.

– Не знаю, что случилось, Люси! Я был в своем «карманном кинотеатре», смотрел фильм и... Послушай, послушай, я больше ничего не вижу. Я включил полный свет, но это не помогло. Думаю, это... думаю, я ослеп. И номер набрал случайный, даже не набирал – просто ткнул куда попало...

Ну да, конечно, это вполне в духе Людовика Сенешаля – смотреть кино в четыре утра! Потирая ноющую поясницу, Люси принялась ходить туда-сюда вдоль широкого окна во двор, где располагалась группа клиник Лилльского университетского медицинского центра. Господи, как спину-то ломит – наверняка из-за этого чертова кресла с его дурацкой спинкой! Впрочем, и тело в тридцать семь лет куда как менее выносливо, чем раньше.

– Сейчас пришлю тебе «скорую».

Наверное, Людовик ударился головой. Травма черепа или рваная рана способны спровоцировать такую симптоматику, и осложнение может стать фатальным.

– Пощупай голову и оближи пальцы – убедись, что нигде не кровит. Ну, что нет крови ни на голове, ни на висках, что из носа кровь не течет. Если кровь есть, приложи лед, замотай полотенцем. «Скорая» привезет тебя в одну из здешних клиник, и я смогу тебя навестить. Только не вздумай ложиться, оставайся на ногах. Адрес у тебя тот же?

– Да. Пожалуйста, скорее! Пожалуйста!

Она отключилась и рванула в приемный покой отделения скорой помощи, где попросила отправить к Людовику машину. В эти июльские отпускные дни события разворачивались слишком уж круто. Ее восьмилетняя дочка только что подцепила вирусный гастроэнтерит. Такого почти никогда не случается в разгар лета, просто жуткая невезуха... И эта болезнь –

прямо как торнадо! Налетела на девочку – и вот тебе всего-то за двадцать часов полное обезвоживание! А Жюльетта при этом не может есть, не может пить – даже воды глотнуть не может. Врачи говорят, что бедняжке придется долго лежать в больнице, нужен покой, тщательный уход и искусственное питание. Ну и малышка не смогла поехать с сестрой Кларой в свой первый летний лагерь, а близнецы так тяжело переносят разлуку...

Люси облокотилась на подоконник. Глядя на вращающийся на крыше машины «скорой помощи» проблесковый маячок, она думала, что хоть в центральном комиссариате, хоть вне его, хоть во время отпуска, хоть в рабочее время жизнь всегда найдет способ одарить ее полной мерой дерьма.

3

Несколькими часами позже в двухстах километрах от Лилля глава Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности Мартен Леклерк вглядывался в трехмерное изображение человеческого лица на экране «мака». Он ясно видел мозг и еще несколько приметных зон: кончик носа, наружную поверхность правого глаза, козелок левой ушной раковины... Указывая на зеленое пятно, расположенное в верхней извилине левой височной доли мозга, Леклерк спросил:

– Стало быть – что? Оно появляется каждый раз, как я с тобой заговариваю?

Одетый в шапочку со ста двадцатью восемью электродами комиссар Франк Шарко, полулежа в гидравлическом кресле, глядел в потолок и не шевелился.

– Это центр Вернике, его задача – восприятие услышанного. Что у тебя, что у меня: стоит прозвучать чьему-то голосу – туда приливает кровь. Оттого там и появляется цветное пятно.

– Впечатляет...

– Не больше, чем твое присутствие здесь, рядом со мной. Может, ты и не помнишь, Мартен, но я приглашал тебя к себе выпить по стаканчику. Именно к себе. Потому что здесь, кроме их гнусного пойла, называемого «кофе», никому ничего не светит.

– Слушай, твой психиатр ничего не имел против того, чтобы я присутствовал на сеансе, да ты и сам мне это предложил. У тебя что, провалы в памяти?

Шарко опустил на металлические подлокотники кресла большие ладони, и обручальное кольцо звякнуло. Сколько уже недель продолжают эти сеансы ремонта его мозгов, а ему так и не удается расслабиться.

– Ну а чего ты хочешь-то? Зачем пришел?

Глава Центрального управления выглядел усталым, потирал пальцами виски. За двадцать лет, которые эти двое проработали в аппарате министерства внутренних дел, черных дней было немало, и они не раз видели друг друга в более чем паршивом состоянии. Когда случались особенно ужасные преступления, когда происходило что-то нехорошее в семье и когда возникали проблемы со здоровьем.

– Дело было два дня назад. В какой-то дыре между Гавром и Руаном. Нотр-Дам-де-Граваншон, ничего себе названьице, верно?.. Да ты наверняка слышал в теленовостях о трупах, вырытых на берегу Сены...

– Что-то такое, связанное со стройкой, с прокладкой трубопровода?

– Ну да. Представляешь себе, сколько радости для журналюг? Они уже были там из-за стройки, понаделавшей шума, и вдруг – такой подарок... В общем, в этой самой дыре обнаружено пять трупов с распиленными черепами. Руанская полиция в содружестве с местной жандармерией занялась этим делом, тамошний прокурор собрался было отправить туда ребят из аналитической группы¹, но не вышло: дело в конце концов передали нам. Честно говоря, меня, в отличие от журналюг, все это совершенно не радует: лето только началось – и на тебе, такая мерзость.

– А Девуаз что?

– Увяз в одном деликатном деле, требующем особого внимания, не могу его отрывать. А Бертоле в отпуске.

– Можно подумать, я не в отпуске!

¹ Имеется в виду аналитическая группа Института криминалистических исследований при национальной жандармерии в Рони-су-Буа. – *Примеч. автора.*

Леклерк поправил узкий галстук в полоску. За плечами полвека, на плечах костюм из синтетики, обут в начищенные башмаки, лицо осунувшееся, с резкими чертами – сразу видно: большая шишка из уголовной полиции во всем своем великолепии...

Лоб начальника Центрального управления покрылся испариной, и он вытер платком капельки пота.

– Ты единственный, кто сейчас на месте. И потом, они там с женами, с детьми... Черт, ну ты же сам знаешь, как это бывает...

Они замолчали, и тишина повисла какая-то свинцовая. Жена, дети... Мячики на пляже, смех, теряющийся в волнах... Все это теперь так далеко, так туманно... Шарко повернул голову к монитору, на котором демонстрировалась активность его мозга в реальном времени, его мозга – старого, пятидесятилетнего органа, переполненного мраком. Двинул подбородком, призывая Леклерка следовать в направлении его взгляда. Несмотря на то что слов не прозвучало, слева, наверху височной доли, высветилась зеленая зона.

– Знаешь, почему светится? Потому что сейчас, вот прямо сейчас, она говорит со мной...

– Эжени?

Шарко кивнул. Леклерк почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Увидишь, как мозг твоего комиссара реагирует на слова, когда мимо даже муха не пролетала, – невольно покажется, что в комнате, где-то совсем рядом с тобой, призрак.

– Ну и что же она тебе говорит?

– Она велела, чтобы в следующий раз, когда пойду за продуктами, купил соус-коктейль и засахаренные каштаны. Она обожает эти дурацкие засахаренные каштаны. Прости, еще пара секунд...

Шарко закрыл глаза, сжал губы. Он везде, всегда видит Эжени и слышит ее. На сиденье своего старенького «Рено-21». Ночью, когда ложится спать. Сидящую по-турецки и наблюдающую, как маленькие вагончики ездят по рельсам. Два года назад Эжени часто показывалась в компании негра по имени Вилли, не выпускавшего изо рта «Кэмел» или сигарету с марихуаной. Зараза куда хуже девочки, этот негр был совершенно уже невыносимым, потому что орал как резаный и все время размахивал руками. Лечение помогло, но частично: антилец пропал, зато девчонка так и приходит постоянно, неистребимая, как вирус.

Зеленая зона на экране «мака» продолжала светиться еще несколько секунд, потом начала постепенно гаснуть. Шарко снова открыл глаза и посмотрел на шефа с усталой улыбкой:

– А ведь ты, старина, наслушавшись, какую чушь несет твой комиссар, в конце концов пошлешь его куда подальше...

– С чего бы? Это тебе ничуть не мешает, ты вполне справляешься с работой и распутываешь любые дела. Я бы даже сказал, что иногда у тебя получается лучше прежнего.

– Скажи это лучше Жослену, угу? А то наш общий шеф совсем уже меня затраhal. Такое ощущение, будто он только и мечтает, чтобы я подох.

– Ну, с начальниками всегда так: новая метла чисто метет, главное – навести порядок, остальное не считается.

Явился наконец профессор Бертовски из психиатрической службы Сальпетриер, а с ним – его нейроанатом.

– Ну что, месье Шарко, начнем?

Месье Шарко... С тех пор как он узнал, что слово «Шарко» – часть названия болезни, при которой последовательно отмирают все мышцы, собственная фамилия стала казаться ему странной. Да-да, так ведь и называется «болезнь Шарко». Как будто все болезни в мире случаются по его вине.

– Начнем...

Бертовски порылся в папке с историей болезни – он не расставался с этой папкой.

– Судя по тому, что я здесь вижу, характерные для паранойи эпизоды с бредом преследования стали очень редкими. Сохранились, правда, следы подозрительности, но в целом результат превосходный, превосходный... А как у нас с видениями?

– Бывают, и помногу. Не знаю, может быть, потому, что я сижу взаперти в своей квартире, но ни дня не проходит без визита Эжени. Большей частью девчонка задерживается у меня всего на две-три минуты, тем не менее вынести ее просто невозможно! И одному Богу известно, сколько килограммов засахаренных каштанов она заставила меня купить с прошлого раза.

С Шарко стали снимать шапочку с электродами, и Леклерк предпочел отступить вглубь комнаты.

– Что – много стрессов в последнее время? – спросил врач.

– Да нет, в основном – жара.

– Ваша профессия не способствует лечению. Нам стоило бы сократить промежутки между сеансами. Думаю, каждые три недели – это будет отличное компромиссное решение.

Закрепив голову Шарко двумя белыми лентами, нейроанатом подвел к его макушке инструмент в форме восьмерки: с помощью этого инструмента магнитные волны направлялись в определенный участок головного мозга. Прицел был на нейроны, которые сами, словно микромагниты, реагировали на приближение «восьмерки» и выстраивались в другом порядке. Транскраниальная магнитотерапия позволяла если не искоренить совсем галлюцинации, вызываемые шизофренией, то хотя бы резко снизить частоту их появления, но главная трудность для врача состояла здесь в том, чтобы найти правильное место. Зона, куда следовало направлять магнитную волну, занимает на черепе всего несколько квадратных сантиметров, а ошибка в один-единственный миллиметр способна привести к тому, что пациент *ad vitam aeternam*² будет мяукать или воспроизводить алфавит наоборот, от конца к началу.

Шарко полулежал с повязкой на глазах, все, что от него сейчас требовалось, – не шевелиться. Теперь единственным, что слышалось в комнате, было потрескивание, с каким исходили из генератора короткие импульсы магнитного поля с частотой в один герц. Шарко не ощущал ни малейшей боли, эта магнитотерапия даже не казалась ему неприятной, только при мысли о том, что десять лет назад для лечения того же назначались сеансы электрошока, делалось страшно.

Все прошло без проблем. Еще тысяча двести импульсов – что-то около двадцати минут, – и полицейский встал. Тело малость затекло, но это ничего, это скоро пройдет. Он поправил безупречную сорочку, провел рукой по стриженным ежиком темным волосам. Надо же так вспотеть... Впрочем, при такой жаре и с избытком веса, неизбежным, если принимаешь зипрексу³, неудивительно. Сейчас, в начале июля, когда температура снаружи зашкаливает, даже кондиционеры работают с трудом.

Он записал дату следующего сеанса, поблагодарил психиатра и вышел из кабинета.

Леклерка он обнаружил в конце коридора у кофейного автомата. Несколько минут наблюдения за процедурой оказались для начальника управления по борьбе с преступлениями против личности тяжелым испытанием, ему захотелось курить.

– Сногшибательно в буквальном смысле – видеть, что они вытворяют с твоей черепушкой!

– Обычное дело. Для меня это все равно... все равно что сидеть под сушкой в парикмахерской.

Шарко улыбнулся и поднес к губам пластиковый стаканчик.

– Ну давай, выкладывай. Расскажи о деле подробнее.

Они медленно двинулись к выходу.

² Здесь: до скончания века (лат.).

³ Зипрекса – антипсихотический препарат.

– Пять жуткого вида трупов, зарыты на двухметровой глубине. По первому впечатлению четверых уже хорошенько обглодали черви, но пятый в относительно приличном состоянии. У всех отсутствует верхушка черепа – как будто отпилили.

– И что они сами там думают насчет всего этого?

– А ты как считаешь? Провинциальный городок, в котором, должно быть, самое серьезное правонарушение – не рассортировать как положено мусор. Тела были захоронены несколько недель, если не месяцев назад, никто ничего не видел и не слышал, расследование обещает быть сложным, и, думаю, в команде не помешает психолог, аналитик поведения. Ты будешь делать все как обычно, не больше и не меньше. Соберешь информацию, встретишься с нужными людьми, со всем остальным управимся из Нантерра. Всех делов дня на два, на три. После чего ты сможешь заняться своими вагончиками или чем угодно, а я... я сделаю то же самое. Не хочу растягивать это надолго, мне в ближайшее время нужно сматываться.

– Вы с Катей собираетесь в отпуск?

Леклерк поджал губы:

– Пока не знаю. Это зависит от...

– От чего?

– От многих обстоятельств, которые касаются меня одного.

Шарко промолчал. Когда друзья вышли за двери клиники, их обдало волной горячего воздуха. Комиссар, сунув руки в карманы льняных брюк, обернулся и посмотрел на длинное здание из белого камня, на купол, сверкающий под безжалостным солнцем. Здание, которое в последние годы стало для него вторым, после рабочего кабинета, родным домом.

– Знаешь, я побаиваюсь возвращаться к работе. Так уже все это далеко...

– Ничего-ничего, ты быстро восстановишься.

Шарко помолчал еще немножко, казалось взвешивая все за и против, и пожал плечами:

– Ладно, хрен с ним! Я настолько прилип к креслу задницей, что она уже сама принимает форму кресла. Скажи им, что буду на месте ближе к вечеру.

4

Когда врач из «скорой», который занимался в клинике Салангро Людовиком Сенешалем, подошел к Люси, она как раз допивала кофе. Эскулап был высоким брюнетом, с тонкими чертами лица и великолепными зубами, в других обстоятельствах она бы наверняка на него запала – ее тип мужчины. На кармашке чересчур свободного для этого стройного красавца халата Люси прочитала: «Доктор Л. Турнель».

– Так что с ним, доктор?

– Никаких ранений, ничего похожего на кровоподтек, стало быть – ничего указывающего на травму. Офтальмологическое исследование не обнаружило ни малейшей патологии. Глазное дно в порядке, глазные яблоки подвижны, фотомоторные рефлексy нормальные, зрачок сокращается как положено. Но при этом Людовик Сенешаль ничего не видит.

– Тогда что же это за странная болезнь?

– Мы проведем более полное обследование, особенно надеемся на МРТ – вдруг покажет опухоль мозга.

– Разве от опухоли слепнут?

– Если она распространяется на зрительную хиазму, то слепнут.

Люси с трудом сглотнула. Людовик стал для нее всего-навсего далеким воспоминанием, но все-таки она разделила с ним семь месяцев жизни.

– А это можно вылечить?

– Зависит от величины опухоли, от ее расположения, от того, злокачественная она или доброкачественная. Я предпочел бы не ставить диагноз до сканирования. Если хотите, можете навестить вашего друга, он в палате двести восемь. – Прежде чем быстрым шагом удалиться, доктор пожал ей руку. Рукопожатие оказалось крепким.

Люси не хватило мужества одолевать ступени лестницы, и она решила подождать лифт. Две бессонные ночи в педиатрии, две ночи с плачем и рвотой, совершенно ее опустошили – не осталось ни капли энергии. К счастью, днем приходила мать и отпускала ее, чтобы она могла хоть немножко поспать.

Она тихонько постучала в дверь и зашла в палату. Людовик лежал на кровати, уставившись в потолок. Люси почувствовала комок в горле: Сенешаль совсем не изменился... Конечно, еще маленько облысел, но лицо такое же круглое и мягкое, какое ей приглянулось, когда она впервые его увидела на сайте знакомств. Лицо сложившегося человека.

– Людовик, это я, Люси...

Он, услышав голос, повернул голову, но взгляд его оказался направлен не на нее – на стену напротив. Люси поежилась, растерла плечи. Людовик попытался улыбнуться:

– Можешь подойти ближе. Я не заразный.

Люси сделала несколько шагов и взяла его за руку:

– Все будет хорошо.

– Как странно, что набрался именно твой номер, а? Ведь мог бы получиться любой другой...

– И еще более странно, что я оказалась именно там, где нужно. Больница для меня сейчас – просто дом родной.

Она рассказала Людовику о болезни Жюльетты. В те семь месяцев Сенешаль виделся с близняшками, и девочки сильно к нему привязались. Люси чувствовала, что нервничает все больше и больше, никак не выходила из головы мысль об этом ужасе, об опухоли, которая, возможно, зреет в голове ее бывшего.

– Они найдут, они разберутся, что с тобой такое.

– Они говорили тебе об опухоли, верно?

– Это просто гипотеза.

– Нет там никакой опухоли, Люси! Все дело в фильме.

– В каком фильме?

– Ну в том... с маленьким белым кружочком. В том, который я вчера нашел у одного коллекционера. Он был...

Люси заметила, что Людовик вцепился в простыню.

– Он был очень странный, этот фильм.

– Что значит «странный»?

– Странный – и все! До того странный, что я из-за него ослеп, черт побери, тебе мало?

Теперь он кричал. И дрожал. И, нащупав руку Люси, крепко за нее ухватился.

– Я уверен, что прежний владелец пришел на чердак именно за этим фильмом. И раскроил себе череп, свалившись со стремянки. Что-то должно было произойти, чтобы старику позарез понадобилось лезть черт знает куда ради какой-то короткометражки.

Люси чувствовала, что он на грани, а ей всегда было невыносимо видеть близких, друзей в отчаянии.

– Пожалуй, посмотрю-ка я сама эту короткометражку.

Он покачал головой:

– Нет-нет, я не хочу, чтоб и ты...

– Чтобы я тоже ослепла? Что за ерунда! Как можно ослепнуть оттого, что увидишь изображение на экране, объясни!

В ответ – молчание.

– Бобина осталась в проекторе?

Еще немного помолчав, Людовик уступил:

– Да. Нужно будет только проделать кое-какие операции, но я тебе их показывал. Помнишь?

– Да... Кажется, это было, когда мы смотрели «Прикосновение зла»...

– «Прикосновение зла»... Орсон Уэллс...

Людовик горестно вздохнул и вроде как забылся. По щекам покатались слезы. Потом он ткнул пальцем в пустоту:

– На тумбочке должен быть мой бумажник, а в нем – визитные карточки. Найди визитку Клода Пуанье. Он реставрирует старые фильмы, и я хочу, чтобы ты отнесла ему бобину. Пусть посмотрит, ладно? И хорошо бы узнать, откуда могла взяться эта короткометражка. Да, возьми там, в бумажнике, еще вырезку из газеты, объявление – в нем есть адрес и номер телефона сына коллекционера. Парня зовут Люк Шпильман.

– Ну и что ты хочешь, чтобы я сделала с этой вырезкой?

– Просто оставила у себя. Забери все. Ты хочешь мне помочь, Люси? Вот и помоги.

Теперь замолчала и вздохнула Люси. Потом взяла с тумбочки бумажник Людовика, достала из него визитную карточку и объявление.

– Сделано.

Казалось, он успокоился. Сел, спустив ноги с кровати.

– А ты-то сама как живешь, Люси?

– Как всегда. Ничего нового. Убийств и нападений меньше не становится, и безработица полицейским не грозит...

– Мне хотелось поговорить о тебе, а не о твоей работе.

– Обо мне? Ну-у...

– Ладно. Потом поговорим.

Сенешаль протянул Люси ключи от дома и сильно сжал ее запястье. Люси вздрогнула, когда Людовик поглядел ей прямо в глаза, приблизив лицо так, что между ними осталось едва ли больше десяти сантиметров.

– Берегись этого фильма!

5

В Нотр-Дам-де-Граваншон – середина дня... Этот хорошенький городок затерялся на просторах департамента Сен-Маритим, здесь симпатичные лавочки, здесь спокойно, много зелени, поля – сколько видит глаз... если, конечно, посмотреть с нужной стороны. Потому как меньше чем в километре к юго-западу берег Сены загроможден чем-то вроде огромного стального корабля, испускающего такую вонь и такой серый дым, что даже небо над ним обесцветилось.

Шарко пошел в направлении, указанном лейтенантом полиции, – самого лейтенанта он надеялся встретить там, на месте. Пусть даже трупы накануне унесли (полицейским потребовались целые сутки, чтобы вытащить их из-под земли, не оставив собственных следов на месте преступления, в таких случаях работаешь прямо как археолог), комиссару хотелось восстановить, как все шло с самого начала. С отправной точки. Он был на грани нервного срыва, три часа пути под солнцем его измучили, тем более что уже несколько лет он почти не садился за руль. Ездил на скоростном метро: когда по линии А – Шатле – Нантерр, когда по линии В – Бур-ла-Рен – Шатле – Лез-Аль.

Но вот наконец указатель. Шарко свернул, закупорил окна, включил кондиционер на полную мощность – и двинул через промышленную зону Пор-Жером. Однако, несмотря на все предосторожности, чувствовалось, что воздух какой-то липкий, что пахнет металлическими опилками и кислотой. Здесь, надежно спрятавшись среди красот природы, крупнейшие промышленные компании мира создали и поделили между собой империю горючего и технических масел. Нефтехимический концерн «Тоталь», американская корпорация «Эксон Мобил», французская компания «Эр Ликид» – она производит технические газы... Комиссар проехал по скопищу труб добрых два километра, пока наконец не вырвался на более спокойный участок дороги, еще не освоенный индустриальными монстрами.

Пейзаж тут был бы вполне ничего, если бы не замершие бульдозеры. Шарко припарковался чуть в стороне от стройплощадки, вышел из машины, поправил воротничок сорочки. К черту пиджак!.. Бросил его на сиденье рядом со спортивной сумкой, где было все, что могло понадобиться в гостинице, размял ноги, отметив хруст в коленке, когда сгибал и разгибал ее.

– Господи боже мой...

Надев солнцезащитные очки, у которых одна из дужек была кое-как склеена, комиссар осмотрелся. Справа – Сена, слева – деревья, позади – промышленная зона. Впечатление полной заброшенности. Ни единого дома, только пустые дороги и невозделанная земля. Как будто тут все вымерло, все выжжено небесным огнем.

Перед ним – чуть ниже – чесали языки два или три человека в касках. У их ног земля разверзлась, огромная рыжевато-коричневая, поделившая ее надвое рана протянулась на километры вдоль реки, и сходились края этой раны только там, где вяло трепыхались на ветру черно-желтые ленты, какими полицейские огораживают место преступления от зевак. Пахло разогретой глиной и сыростью.

Комиссар сразу заметил ожидавшего его руанского коллегу – а как не заметить, если кобура на поясе просто-таки бросается в глаза? Парень был одет в джинсы на бедрах, черную футболку с коротким рукавом, на ногах – старые полотняные туфли. Высокий, сухощавый, черноволосый, хорошо, если ему двадцать пять или двадцать шесть стукнуло, он разговаривал с кинооператором и еще каким-то существом, напоминавшим журналистку. Шарко поднял очки, примяв ими ежик на голове, достал служебное удостоверение и протянул лейтенанту полиции:

– Вы и есть Люка Пуарье?

– А вы – аналитик из Парижа, профайлер? Приятно познакомиться.

Входить в подробности и объяснять, что его работа, в общем, имеет мало общего с занятиями профайлеров? На это могут уйти часы.

– Зовите меня Шарко. Или Шарк. Без званий.

– Сожалею, комиссар, но вот этого не могу.

Подошла журналистка:

– Комиссар Шарко, нас предупредили о вашем прибытии и...

– Рискую показаться невежливым, но предложу вам и вашему спутнику с камерой отправиться куда подальше...

Парижанин посмотрел на девушку таким мрачным взглядом, каким только умел. Он не выносил журналюг. Девица чуть отступила, но все-таки попросила оператора хоть немножко поснимать. Возможно, им и удастся слепить какой-нибудь сюжетец, подкрепив текст видами разлома. Плюс к этому станут твердить как попугаи, что к делу подключен командированный из Парижа профайлер, – чем не сенсация.

Шарко отодвинул телевизионщиков взглядом и обратился к Пуарье:

– Не знаете, номер в гостинице забронирован? Кто у вас этим занимается?

– Ну-у... Не знаю. Наверное...

– Мне хотелось бы большой. И с ванной.

Пуарье кивнул, соглашаясь; так всегда было с людьми, у которых Шарко что-то просил, – комиссар неизменно внушал уважение.

– Ладно... Не будем терять времени. Объясните, что здесь и как, – снова оглядев окрестности, сказал он лейтенанту.

Молодой человек засосал добрую половину бутылочки воды, которую держал в руке, потом широким жестом обвел владения компании модульных конструкций «Алжеко», находившиеся чуть в стороне.

– Траншеи начали рыть в прошедшем месяце. Здесь прокладывают трубопровод, который позволит переправлять все виды химической продукции с заводов Гонфревиля к очистительным сооружениям. Туда, ниже по течению. Не меньше тридцати километров зарытых в землю труб. Ну и вот, им оставалось раскопать всего пятьсот или шестьсот метров, но, когда они обнаружили то, что обнаружили, работы были приостановлены. Видели бы вы, как они разозлились, – словами не описать!..

Немного подальше мужчина в костюме и галстук – вероятно, начальник строительства трубопровода – ходил туда-сюда, прижимая к уху мобильный. Такого рода открытие, какое выпало на его долю, – последнее, чего можно было ожидать. И даже если этот несчастный ничего не может поделать, отчитаться перед финансистами ему придется непременно.

Шарко вытер платком лоб. Когда он поднял руку, стал виден темный круг под мышками. Пуарье двинулся вперед.

– Рабочие нашли их вон там. Пять трупов, зарытых на глубину два метра. Бульдозерист не успел особенно повредить останки: едва увидев, что показалась мертвая рука, он остановил машину.

Комиссар пролез под черно-желтые ленты и подошел к краю глубокой траншеи. Отвернувшись, сморщив нос. Сопровождавший его Пуарье вообще все лицо прикрыл футболкой.

– Ага, малость еще пованивает. Они там варились в собственном соку, и жара-то ведь тоже поспособствовала... Не сомневайтесь: судмедэксперт и ученые ребята-криминалисты развлекаются теперь всю.

Комиссар сделал глубокий вдох и наклонился над траншеей, рассматривая дно.

– Кто они, эти люди? Мужчины, женщины, дети? С возрастом хоть что-то уже понятно?

– Они мужчины, антрополог – я сведу вас с ним – подтвердит. Состояние четырех жертв плачевное, тела практически распались на части: влажность почвы и близость Сены ускорили

разложение, теперь это почти что скелеты. Я говорю «почти», потому что на костях остались ошметки сгнившей плоти, выделения, в общем, короче, вы...

– Погодите, а пятый труп?

Пуарье снова нервно схватился за бутылку с водой. Под футболкой он был весь мокрый, по лбу катились капли пота, кожа исторгала из себя воду и соль.

– Тоже мужской, относительно сохранный. Ну... если можно так сказать. Тела над и под ним создали что-то вроде изолирующей прокладки...

– Был под трупами или рядом брезент или какая-либо другая упаковка?

– Нет. И одежды на них тоже не было. Совершенно голые. Что касается того парня, который лучше других сохранился, ему... у него часть тела ободрана. Руки, грудь. Я видел это своими глазами, ужас что такое... Как очищенный апельсин. Вы даже представить себе не можете...

Представить себе он мог.

Комиссар вздохнул. Вроде бы запахло висяком. Досье со всеми этими пикантными подробностями пополнит уже имеющуюся в Нантерре кучу, и ничего-то ему, этому досье, не светит, кроме того, что время от времени его без всякой пользы прокрутят в очередном компьютере.

Шарко протянул лейтенанту руку:

– Помогите мне спуститься.

Полицейский повиновался. Парижанину показалось, что этот мальчик за время своей недолгой карьеры успел уже навидаться слишком многого. Небось увяз уже, бедняга, и неведимым теперь вряд ли выберется. Все мы движемся одним путем, по одним рельсам – тем, что ведут в пропасть и не дают подняться. Потому что эта чертова профессия тебя пожирает, переваривает с потрохами.

Оказавшись на дне траншеи, комиссар выпустил руку Пуарье. Отряхнул тыльной стороной кисти с рубашки землю. Тут воняло, как в морге, солнце скрылось, и зловреднее здешней жары и духоты было не придумать. Шарко присел на корточки, пощупал землю. Ее уже просеяли, чтобы не пропустить ни малейшей улики – ни косточки, ни хрящика, ни куколки насекомого. Да, местные криминалисты хорошо поработали. Он выпрямился, осмотрел коричневые стены. Два метра глубины, это сколько ж надо было рыть, чтобы засунуть сюда трупы... Старательный, однако, убийца.

– Шеф говорил мне, что черепа наполовину отрезаны.

Пуарье наклонился к нему. Капля пота скатилась с его лба и упала в траншею.

– Действительно отрезаны, и пресса тут же налетела – а как же, сенсация ведь для таблоидов. Все теперь только и говорят о серийном убийце, о маньяке. Верхние части черепов не найдены. Их нет. Исчезли бесследно.

– А мозг?

– Внутри черепов пусто. То есть нет, конечно, там земля. Но кажется ведь, мозг и глаза первыми разрушаются и полностью исчезают после смерти... В общем, судмедэксперт продолжает исследовать эти черепа, так что пока ничего не известно.

Лейтенант высунул язык и вылил на него последние оставшиеся в бутылке капли воды.

– Чертова жарница!

Раздавил в кулаке бутылку. Похоже, нервы его были на пределе.

– Послушайте, комиссар, а что, если нам наконец уйти отсюда? Я вон уже сколько часов тут парюсь, давно пора свежего воздуха глотнуть. Мы можем поговорить по дороге, мне же все равно ехать с вами.

Шарко огляделся в последний раз. На сегодняшний день тут ничего больше не увидеть, и никаких открытий не ожидалось. Наверное, фотографии места преступления, крупные планы или аэрофотосъемка окрестностей, если таковая имеется, скажут ему гораздо больше.

– Какие-то особенности у тел обнаружились? Зубы, часом, не вырваны?

Молчание. Обалдевший от пронизательности парижанина юнец кивнул:

– Вы правы. Ни единого зуба. И кисти рук отрублены. А как вы...

– У всех пятерых?

– Думаю, да... Я... Простите...

Лейтенант исчез из поля зрения Шарко. Тяжелый, конечно, выдался день у мальчика, да... Комиссар медленно пошел по дну траншеи. Там, вдали, видны эти два болвана с телевидения – вон они, явно снимают их трансфокатором. Точно, а теперь бочком-бочком к нанятой ради такого дела машине. Ну и привет!

Слава богу, он остался совсем один. Теперь можно, уставившись в пустоту, думать, думать, думать. Представлять себе их, пятерых, штабель из покойников... У одного содрана кожа – не везде, кое-где – почему? Зачем с ним обошлись иначе, чем с другими? А кожу содрали – до или после смерти? Вопросы, неизбежно возникающие, когда начинаешь разбираться в том, как все произошло, роились у него в голове. Были ли жертвы знакомы между собой? Встречались ли они раньше со своим палачом? Все ли умерли в одно время? При каких обстоятельствах?

Шарко почувствовал дрожь, которая всегда охватывала его в начале расследования, – в это время возбуждаешься сильнее, чем когда-либо, и чувствуешь все куда более остро. Здесь разило смертью, бульдозерным горячим, сыростью, но он поймал себя на том, что ему все еще нравятся эти тошнотворные запахи, – надо же! В былые времена тьма и такой вот адреналин действовали на него буквально как наркотик. И не сосчитать было случаев, когда он возвращался чуть не к утру и видел, что Сюзанна уснула, свернувшись на диване калачиком, вся в слезах...

Франк ненавидел это свое прошлое, но ровно с такой же силой тосковал о нем.

Чуть подальше он заметил лестницу, прислоненную к стене траншеи, и смог легко по ней подняться. Метрах в тридцати от стройплощадки проходила асфальтированная дорога. Наверняка убийцы воспользовались ею, чтобы доставить сюда тела. Руанская полиция, должно быть, уже начала опрашивать всех тут поблизости – персонал завода или кого-то еще в этом роде, так, на всякий случай... Хм, судя по виду местности, коллеги, скорее всего, останутся ни с чем.

Подальше, на берегу Сены, сидел, прижав мобильник к уху, Люка Пуарье. Небось жене звонит – предупреждает, что может поздно вернуться. Скоро он ей даже и звонить насчет такого не будет: поздние возвращения и долгие отсутствия станут частью его ремесла. А еще позже, годы спустя, он поймет, подводя итоги, что при этой работе нужно сразу учиться жить одному со своими демонами, выпивать за жалкой оцинкованной стойкой и срывать на ком-нибудь зло, когда уже не вмоготу. Шарко вздохнул и показал руанцу знаком, что собирается ехать. Тот закончил разговор и подбежал к комиссару.

– А скажете – насчет зубов-то? Как вы догадались?

– Увидел. Вы что, забыли? Сами же сказали: я – профайлер!

– Смеетесь надо мной, комиссар...

Шарко улыбнулся мальчишке от всего сердца. Ему нравилась наивность этих ребяташек, нравилось простодушие, доказывавшее, что живет в них еще какая-то чистота, какой-то свет, которых не найти во все повидавших стариках – таких стреляных воробьях, как он сам.

– Преступник раздел убитых и захоронил их в рыхлой влажной земле, поблизости от воды, именно затем, чтобы ускорить разложение. Несмотря на то что место уединенное, непригодное для застройки, он опасался, что тела будут найдены, потому зарыл их так глубоко. Ну а коли уж он соблюдал все эти меры предосторожности, он просто не мог оставить трупы опознаваемыми. Специалисты сейчас способны снять отпечатки пальцев даже у мумифицирован-

ных трупов, убийца, возможно, знал об этом, вот и перестраховался: без зубов и без кистей рук жертвы так и останутся анонимными.

– Не обязательно и не совсем анонимными! Даже из такого скудного биоматериала можно выделить ДНК.

– О, ДНК!.. Да-да, на это всегда можно надеяться.

Они сели в машину, Шарко включил зажигание и тронулся с места.

– Кому мне надо позвонить насчет номера? Помню, что уже говорил об этом, но повторяю еще раз: я хочу большой номер и непременно с ванной.

6

Людовик Сенешаль жил за ипподромом Марк-ан-Барёля, неприметного городка, притулившегося к Лиллю. Тихая улочка, кирпичный дом в современном стиле, маленький садик – такой, чтобы не проводить всю субботу за стрижкой газона. Люси с улыбкой взглянула на окно второго этажа. Там, в чистенькой спальне, они первый раз любили друг друга. Обычное дело для тех, кого сводит сайт знакомств, комплект деталей для сборки... Сначала встречаешься потехи ради, потом по-настоящему, потом ложишься в постель, а потом... потом посмотрим.

Она посмотрела. Людовик был хорош во всех отношениях: серьезный, внимательный, обладающий множеством других достоинств, но ему не хватало блеска, элегантности, да просто – выправки. А откуда? Если живешь как столетний дед, если никаких удовольствий, кроме кино: день проходит за сводками социального страхования, вечером – фильмы, а назавтра все сначала... Да если к тому же у тебя явная тенденция предаваться мрачным мыслям, хандрить... Люси было очень трудно вообразить Сенешаля отцом своих близняшек, человеком, который стал бы подбадривать девочек на танцевальных конкурсах или кататься с ними на велосипеде.

Она вставила ключ в замочную скважину и только тут заметила: дверь-то открыта. Легко догадаться: Людовик впал в такую панику, что бросил все как есть. Она вошла, заперла за собой дверь. Внутри было просторно, обстановка в том же стиле, что и дом: современная. Именно такого пространства не хватало ей и ее дочерям. Но может быть, когда-нибудь...

Надо вспомнить дорогу в подвал. Киносеансы с пивом и попкорном, подсушенным в микроволновке, – это нечто незабываемое, вневременное.

Проходя через холл, она видела перевернутые стулья, разбитые вазы и очень ясно представляла себе: вот, перед тем как позвонить ей, совершенно слепой Людовик ощупью поднимается по лестнице, вот он идет, натываясь на все, что попадает на пути...

Люси сбежала по ступенькам и оказалась в «карманном кинотеатре». С прошлого года ничего не изменилось, все осталось на местах. Стены по-прежнему обиты толстой красной тканью, запах старых ковров, атмосфера семидесятых... Во всем этом было свое очарование. В белом луче проектора мерцал этот его знаменитый экран из специальной ткани с микросферами.

Она толкнула дверь крошечной проекционной. Там все еще горела мощная ксеноновая лампа и было жарко будто в печке. Казалось, все пространство заполнено стрекотом, приемная бобина крутилась впустую, в воздухе болтался свисающий кончик пленки. Люси, долго не раздумывая, ткнула пальцем в большую красную кнопку на блоке питания, мастодонте весом не меньше шестидесяти кило. Стрекот наконец прекратился.

Тогда она нажала на выключатель, и замигала неоновая лампочка. Стало видно, что в комнатке ужасный беспорядок: повсюду валяются пустые бобины, магнитофоны, афиши... Организованный бардак – вполне в стиле Людовика. Она попыталась вспомнить, как заряжают проектор, чтобы посмотреть фильм. Так, прежде всего надо поменять местами передающую и приемную бобины, закрепив каждую скобочкой на оси соответствующего барабана, потом проверить, совпадают ли перфорации пленки с зубчиками передающего устройства, и только тогда можно нажать на пуск... Кнопка перед ней оказалась чересчур много, так что простая на первый взгляд задача осложнилась, но все-таки ей повезло, она справилась, запустила машину – и вот уже магия света и человеческого глаза превращает последовательность малюсеньких разрозненных кадров в плавное движение.

И рождается кино.

Люси погасила свет, закрыла за собой дверь проекционной и спустилась на три ступеньки – в зал. Садиться не стала – так и стояла у задней стены, скрестив на груди руки. Эта пустая комната, эти двенадцать обитых зеленой искусственной кожей кресел – в них было что-то угне-

тающее. Как, впрочем, и в их владельце. Она уставилась на экран, ощущая все-таки нечто вроде боязни. Людовик говорил, что фильм странный, и теперь слеп... А если в этих изображениях есть что-то опасное, например... например, яркий свет, до того яркий, что и она может ослепнуть? Люси покачала головой: да что за ерунда! Полная ерунда! У Людовика наверняка опухоль мозга.

Луч света пронизал темноту, и перед Люси вспыхнул большой белый прямоугольник. Пошли кадры. Сначала экран был равномерно черным, потом – через пять или шесть секунд – в верхнем правом углу появился белый кружок. И в ту же минуту зазвучала оглушительная музыка – просто-таки стены задрожали. Веселенький мотивчик, из тех, что извергались в старину из недр каруселей на сельских праздниках. Люси улыбнулась, услышав шипение и потрескивание, которые ничем не забить: звуковой ряд совершенно точно был записан с древней сорокапятки или почище того – с фонографа.

Никаких титров, никакого названия. Центральную часть экрана заняло женское лицо: крупный план, вписанный в овал. Вокруг этого овала по-прежнему царили сумерки, словно все заволокло сероватым, почти черным туманом, – у киношников это вроде бы называется «каше». Ставят перед объективом какую-то штуку, ну и получается эффект, как будто смотришь через замочную скважину, этакий вуайеризм.

Люси решила, что актриса красива, а взгляд ее больших таинственных глаз гипнотизирует. Девушке на экране было лет двадцать, она смотрела прямо в объектив. Темная помада на губах, гладкие черные как смоль волосы убраны назад, один-единственный завиток на лбу, изящная, чистого рисунка шея. И можно догадаться, что на ней клетчатый жакет: верх немножко виден. Люси вспомнились семейные фотографии – она видела такие внутри строгих медальонов, хранившихся в старинных, времен бабушек-дедушек, шкатулках для драгоценностей. Юная актриса смотрела вроде как свысока, без улыбки, и напоминала роковых женщин из фильмов Хичкока. Вот губы ее задвигались, она что-то сказала, но беззвучно, а по губам Люси ничего прочесть не смогла. Потом в кадре появились два пальца – два мужских пальца, они спустились сверху и раздвинули веки на левом глазу девушки, и тут же ворвавшийся откуда-то слева и исчезнувший потом за правой границей кадра скальпель разрезал глаз надвое, и при этом гремела цирковая музыка, звякали цимбалы.

Сжав зубы, Люси отвернулась. Поздно. Увиденное хлестнуло ее слишком резко, и она разозлилась. Нет, она совсем не против ужастиков, даже наоборот – она с удовольствием смотрела такие фильмы, особенно в субботу вечером, но она ненавидела манеру некоторых режиссеров обрушивать на зрителя нечто невыносимое, не давая ему ни малейшего шанса избежать гнусного зрелища. Мерзость из мерзостей! Низко и подло так делать, считала Люси.

И вдруг звуки фанфар оборвались.

Воцарилась тишина – ни шороха, кроме тревожного жужжания проектора.

Люси, слегка уже не в себе, подумала, взглянув на экран: еще один подобный кадр – и надо прекращать этот дурацкий сеанс. Кровавых сцен хватает и в больнице скорой помощи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.